

Пильский, издание увидело свет «с благословения и согласия Аверченко»¹. Можно вспомнить еще несколько альманахов, которые издавались сатириконтцами и Аверченко в том числе.

Все это позволяет говорить об А.Т. Аверченко как об одном из самых ярких людей своего времени, проявившем незаурядность в сатирической журналистике и создавшем один из лучших русских журналов XX столетия.

О.А. Платонова

ТРАДИЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДЕТСКОЙ ИСПОВЕДИ: ОТ А.П. ЧЕХОВА К И.С. ШМЕЛЕВУ

В письме от 11 ноября 1946 года И.С. Шмелев обратился к И.А. Ильину с просьбой «присоветовать, что выбрать» для участия в Дне Русского Ребенка: «...Был у меня Зеелер, генеральный секретарь Союза Писателей (друг мой верный), передал просьбу о том же. Я хочу выбрать между – «Москва» из 2 части «Лета Господня» и – главой из 2-й книги «Путей»... – где несут иконы <...> Отпишите поскорей, что выбрать, покорюсь Вашему совету»². И.А. Ильин отозвался на просьбу 23 ноября 1946 г.: «Думается мне, что из II тома Лета Господня лучше было бы дать им «Говенье». Психология русского говеющего ребенка так чудесно, так наивно, так подлинно дана, столько там не внешнего, не случайного, а субстанционально-внутреннего, что душа озаряется счастьем»³.

Традиционно-православный уклад жизни, исторически присущий русскому народу, получил наиболее яркое воплощение в изображении детски чистой, незамутненной веры в тех художественных произведениях, где воссоздано религиозное восприятие картины мира глазами детей – главных действующих лиц повествования. Одно из неоспоримых достижений такого произведения искусства – это подаренная читателю возможность заглянуть в мир детства и увидеть процесс становления личности в самых сокровенных – религиозных – его проявлениях. Особенную ценность творчества данной направленности отметил Ильин в своем очерке о Шмелеве, художнике, которому по праву принадлежит заслуга утверждения жанровой, стилистической, автобиографической специфики «детской» религиозной темы в русской литературе. По мысли Ильина, читатель

¹ Пильский П.М. Арк. Аверченко // Последние известия. Ревель, 1923. Февраль.

² Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1946-1950). М.: Русская книга. 2000. С. 492.

³ Там же. С. 505.

воспринимает со страниц «Лета Господня» Шмелева «православную Русь сквозь искренность, чистоту и нежность младенчества», «из сердечной глубины верующего ребенка»¹, осознавая, что здесь, как и в других произведениях Шмелева, «дело идет не более и не менее, как о человеческой судьбе, о жизни и смерти, о последних основах и тайнах земного бытия, о священных предметах; и притом, что самое удивительное, не просто о судьбе описываемых персонажей (с которыми «что-то», «где-то», «когда-то» «случилось»), а о собственной судьбе самого читателя, необычайным образом настигнутого, захваченного и вовлеченного в какие-то события»².

Шмелев создавал свое произведение во время пореволюционного эмигрантского рассеяния, когда, по замечанию современного исследователя, в «напоминании» о том, «что «Святая Русь» жива языком, культурой, церковью, больше всего нуждались эмигрантские дети»³. Теперь же для многих живущих на территории исконно русского государства «Лето Господне» Шмелева стало незаменимым и дорогим сердцу «напоминанием» о родных истоках, об утраченной России. Таким образом, книга эта не только поныне не утрачивает своей художественной ценности, но приобретает новое значение в контексте эпохальных исторических изменений, о чем свидетельствует немалый читательский и научный интерес.

Учитывая разнообразие классических образцов подобного жанра, задержим внимание на трех произведениях, принадлежащих разным авторам, но объединенных темой религиозного переживания ребенком одного и того же духовно значимого события – церковной исповеди. На наш взгляд, большой интерес представляет сравнительный анализ художественно воссозданного детского восприятия исповеди в рассказах Чехова «На страстной неделе» (1887), В.А. Никифорова-Волгина «Исповедь» (1935) (из книги «Заутреня святителей») и в очерке Шмелева «Говенье» (1938), вошедшем в роман «Лето Господне», с целью выявления общих закономерностей православного художнического мышления.

Индивидуальные особенности творческой манеры писателей, живших в разное время и в разных уголках мира, – сдержанность художественного слова Чехова, эмоционально-экспрессивный стиль Шмелева, изобразительность языковых красок в простоте народной речи у Никифорова-Волгина – при всем их своеобразии, не помешали художникам создать удивительно однородную, в деталях совпадающую

¹ Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга. 1996. Т. 6. С. 385, 386. (Все выделения в тексте принадлежат автору цитаты).

² Там же. С. 345.

³ Суrowова Л.Ю. Живая старина Ивана Шмелева: Из истории создания «Лета Господня». М.: Совпадение. 2006. С. 71.

картину детского переживания религиозно значимого события. Такое сопоставление предоставляет одну из возможностей «феноменологического познания русской литературы последних двух веков, осознаваемой в рамках русской православной духовности»¹, о которой пишет Т.В. Марченко.

Рассказы Никифорова-Волгина из цикла «Земля-именинница» были справедливо соотнесены А.М. Любомудровым с творчеством Шмелева: «Подобно Шмелеву Никифоров сочетает в своих рассказах яркую, образную простонародную речь с элементами церковнославянского языка»², – пишет исследователь. С несколько иной точки зрения рассмотрена эта творческая параллель в книге Л.Ю. Суровой «Живая старина Ивана Шмелева...». Название сборника (и одноименного рассказа) «Земля именинница» (1937), как считает автор монографии, «позаимствовано» Никифоровым-Волгиным («учеником» Шмелева) из «Троицына дня» Шмелева. «И вся эта книга, как и последовавший за ней «Дорожный посох», – пишет Л.Ю. Сурова, – попытка на свой лад создать нечто подобное «Лету Господню»»³. Однако, если вышедший в 1936 году Никифоровым-Волгиным рассказ «Земля именинница» может восприниматься как написанный под влиянием «Праздников» (1933) Шмелева, то в целом творчество Никифорова-Волгина, представленное в книге «Заутреня святителей» очерками разных лет (например, «Странники» – 1924, «Архиерей» – 1925, «В березовом лесу» – 1926, «Под колоколами» – 1926, «Алтарь затворенный» – 1927, «Оскудение» – 1928, «Двенадцать Евангелий» – 1934, «Пасха на рубеже России» – 1934, «Исповедь» – 1935) и другими замечательными рассказами, а также повестью «Дорожный посох» (1938), должно рассматриваться, на наш взгляд, как самостоятельное и оригинальное художественное явление. Неординарный писательский дар Никифорова-Волгина был отмечен еще его современниками⁴.

Рассуждая о подражательной и даже «пародийной» сути произведений Никифорова-Волгина по отношению к шмелевским открытиям в «Лете Господнем», Л.Ю. Сурова низводит тем самым творчество неизученного, никем подробно не исследованного,

¹ Марченко Т.В. Традиции Гоголя в творчестве И.С. Шмелева // Культурное наследие российской эмиграции, 1917-1940: В 2 кн. М. 1994. Кн. 2. С. 155-160.

² Любомудров А.М. Никифоров-Волгин Василий Акимович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русская литература. М.: Институт русской цивилизации. 2004. С. 696.

³ Сурова Л.Ю. Указ. соч. С. 13.

⁴ См. подробнее: Амфитеатров А.В. Тоска по Богу // Возрождение. Париж. 1938. 14 января // Впервые: Меч. Варшава. 1937. 25 декабря. Стрижев А.Н. Василий Акимович Никифоров-Волгин: Биографический очерк // Никифоров-Волгин В.А. Заутреня святителей. М.: Паломник, 2003.

«забытого писателя» Никифорова-Волгина на уровень «слабого подобия» «крупного явления» «в лице писателей третьего ряда»¹, что нам представляется недопустимым. Тем более что самим исследователем выдвигается «предположение» о «некотором влиянии» на Шмелева книги Никифорова-Волгина: «Его «Земля-именинница» в цикле «Детство» содержит рассказ о мальчике-отроке, он уже басит и грешит вовсю. И проходит он дни Великого поста как участник, а не как наблюдатель. Очерк «Говенья» Шмелев создаст в 1938 году (напомним: в 1937 году он получил в подарок «Землю именинницу»), возможно, отвечая на подражания «ученика»². В самом деле, следует обратить внимание на то, что рассказ Никифорова-Волгина «Исповедь» (1935) был написан за три года до создания Шмелевым очерка «Говенья» (1938) (вошедшего только во вторую часть – «Радости»), в котором чуть ли не с буквальными совпадениями (об этом речь пойдет дальше) описаны бытовые ситуации и духовные реалии формирующегося внутреннего мира православного ребенка.

Вопрос о том, кто из двух писателей на кого, когда и как повлиял при написании произведения с родственным сюжетом и самим замыслом, мог бы стать дискуссионным, если бы не было в русской литературе других аналогов подобной проблематики. В частности, если бы не было Чехова и его рассказа «На страстной неделе» (1887), который также может быть рассмотрен как литературный источник «Исповеди» Никифорова-Волгина. Существование иных образцов подобной жанровой направленности (помимо произведений Шмелева), позволяет рассмотреть изображение детского духовного переживания церковного таинства как традицию (либо как характерную черту художественного мировоззрения автора) и дает возможность расширить сферу преемственных связей творчества Шмелева. Материал нашего исследования позволяет увидеть (кроме тематической и языковой близости произведений Шмелева и Никифорова-Волгина), как много общего имеет языковая и стилевая манера Никифорова-Волгина с манерой изложения и языковой отточенностью прозы Чехова, что, в свою очередь, дает дополнительный импульс к сопоставительному анализу произведений Шмелева и Чехова. Таким образом, для оптимально полного и объективного изучения данного аспекта проблемы нами анализируется своеобразная «тройственная» творческая параллель, символизирующая актуальность и художественную преемственность «исповедальной» традиции в русской литературе.

Рассказ Чехова «На страстной неделе» интересен не только в фокусе нашего рассмотрения, но и вообще в творчестве писателя, чей талант долгое время истолковывался как безразличный к вере или даже

¹ Суровова Л.Ю. Указ. соч. С. 13.

² Там же. С. 18.

атеистический. Как известно, противоположное мнение высказывали именно религиозно настроенные, верующие исследователи¹.

Начало рассказа вводит читателя в атмосферу подготовки маленького героя, Феде, к ответственному шагу, серьезность которого глубоко осознается им самим, несмотря на его девятилетний возраст:

«– Иди, уже звонят. Да смотри, не шали в церкви, а то Бог накажет.

Мать сует мне на расходы несколько медных монет... Я отлично знаю, что после исповеди мне не дадут ни есть, ни пить, а потому, прежде чем выйти из дому, насильно съедаю краюху белого хлеба, выпиваю два стакана воды»².

Подобный мотив сосредоточенного приготовления к исповеди – один из основных в очерке «Говенье» у Шмелева. Семилетний Ваня замечает: «Говеть не очень трудно... Я пощусь, даже сладкого хлеба с маком не хочется. Не ем и халвы за чаем, а только сушки. Матушка со мной ласкова, называет «великий постник». Отец все справляется – «ну, как дела, говельщик, не ослабел?»; «Отец выдал мне на говенье рублик серебреца, я покупаю у Горкина свечки, будто чужой-серьезный, и ставлю сам к главным образам и распятию...»³.

В экспозиции «Исповеди» Никифорова-Волгина, где «мир увиден глазами ребенка, приобщающегося к Православию»⁴, повторяется мотив родительского благословения ребенка на самостоятельную духовную жизнь:

«– Ну, Господь тебя простит, сынок... Иди с молитвой. Да смотри, поуставнее держи себя в церкви. На колокольню не лазай, а то пальто измызгаешь... – напутствовала меня мать к исповеди.

– Деньги-то в носовой платок увяжи, – добавил отец, – свечку купи за три копейки и батюшке за исповедь дашь пятак. Да смотри,

¹ Вениамин (Федченков), митрополит. А.П. Чехов // Духовный собеседник. 2000. № 4. С. 155. Дунаев М.М. Православие и русская литература... Т. 5. 2003. С. 634.

² Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 18 т. М.: Наука. 1974 – 1982г. Т. 6. С. 141. Далее ссылки на рассказ А.П. Чехова даются по данному изданию с указанием инициала «Ч», тома и страницы в скобках.

³ Шмелев И.С. Собр. соч.: В 5 т. М.: Русская книга: Известия. 1999-2000. Т. 4. С. 261. Далее ссылки на данное произведение Шмелева даются в тексте с указанием номера тома и страницы в скобках.

⁴ Любомудров А.М. Никифоров-Волгин Василий Акимович // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русская литература. М.: Институт русской цивилизации. 2004. С. 696.

ежова голова, не проиграй в орла и решку и батюшке отвечай по совести!»¹.

Интересно здесь ощущение себя взрослым совсем юного героя, глазами которого видится все происходящее, и даже его нетерпение от кажущейся ему излишней родительской опеки: «Ладно! – нетерпеливо буркнул я, размашисто крестясь на иконы» (Н., 181).

Состояние героя, его настроение и сопутствующие обстоятельства, почти не изменяясь, переходят из одного сюжета в другой. Родственная повествовательная структура, сходство мотивов и реалий действительности сближает не только сами произведения, но и их авторов. При детальном сопоставлении текстов обнаруживается следование определенному принципу в изображении события. Герой повествования – ребенок – постепенно, преодолевая искушения, движется по пути приобретения духовного опыта посредством общения с традиционным уставом православной церкви, с ее живой верой. Этот сюжет, как и во многих других случаях литературного диалога в текстах Шмелева, находит выражение в комплексе взаимосвязанных мотивов, задействованных во всех трех произведениях.

Общим и важным для понимания их сюжета является природный фон повествования. Ваня Шмелев, автобиографический герой Ивана Шмелева, в ожидании исповеди, когда «все говеют», отмечает: «И в детской у нас весна... Лавок еще не отпирали, улица светлая, ледок на лужах и пахнет совсем весной» (4, 258-261). Почти ту же самую картину наблюдает и герой Чехова: «На улице совсем весна. Мостовые покрыты бурым месивом, на котором уже начинают обозначаться будущие тропинки; крыши и тротуары сухи; под заборами сквозь гнилую прошлогоднюю траву пробивается нежная, молодая зелень. В канавах, весело журча и пенясь, бежит грязная вода, в которой не брезгают купаться солнечные лучи» (Ч.: С., 6, 141), – все это видит Федя по пути в храм Божий. Обновление в природе не просто так затрагивает внимание мальчика: оно ассоциируется с обновлением, готовящимся произойти и в его душе.

Поэтическое восприятие природы другим мальчиком, Васей, также идущим в церковь в рассказе Никифорова-Волгина, может быть сопоставлено по силе воздействия с чеховским описанием: «На улице звон, золотая от заходящего солнца размытая дорога, бегут снеговые звонкие ручейки, на деревьях сидят скворцы, по-весеннему гремят телеги, и далеко-далеко раздаются их дробные скачущие шумы» (Н., 182). Элементы пейзажа имеют здесь, кажется, родственную связь: «солнечные лучи» одинаково благосклонно дарят свой «золотой» свет и

¹ Никифоров-Волгин В.А. Заутреня святителей. М.: Паломник. 2003. С. 181. Далее ссылки на данное издание даются в тексте с указанием начальной буквы фамилии автора (Н.) и страницы в скобках.

«бегущей грязной воде», и «размытой дороге». А звучание «скачущих шумов» в тексте Чехова развернуто во всем своем соблазнительном для мальчишки содержании – и весенняя картина дополнена следующим: «Проезжает извозчик. Он чмокает, дергает вожжи и не видит, что на задке его пролетки повисли два уличных мальчишка. Я хочу присоединиться к ним, но вспоминаю про исповедь, и мальчишки начинают казаться мне величайшими грешниками» (Ч.: С., 6, 141). Мотив весенних радостей, соединенных с детским озорством, оказывается, таким образом, «запрещенным» до поры, как бы «удерживаемым» до времени другим мотивом – долга перед своей совестью. Эта характерная особенность свойственна и сознанию Васи, в котором ощущение весны и радости совмещается с напоминанием дворника Давыда, звонко раскалывающего лед, о том, чтобы мальчик «не забыл сказать батюшке», что «прозывает» его, Давыда, «подметалой-мучеником».

В трех названных произведениях отчетливо выведен мотив испытания, одоления в себе злых чувств и дурных намерений, посещающих героя на пути к церковному порогу. Не менее серьезным испытанием становится и само церковное таинство, ради которого ребенок отказывает себе в своих детских удовольствиях. В передаче трепетности его восприятия и живого чувства покаяния перед аналоем обнаруживается художественное единодушие авторов. Запечатленные эпизоды свидетельствуют, на наш взгляд, об освоении и Чеховым, и Никифоровым-Волгиным тех принципов художественного мастерства, того метода, который, благодаря Шмелеву, будет впоследствии назван «духовным реализмом»¹.

В рассказе «На страстной неделе» попытка изображения духовного явления показывает как раз «невозможность формулирования в слове переживания предельных, пограничных ситуаций»², нередких в произведениях Чехова. «Неизреченное»³ душевное смятение Феди передано сценой, как бы требующей опустить занавес: «Под ногами ничего не чувствую, точно иду по воздуху... Подхожу к аналою, который выше меня... вспоминаю одиноких Богородицу и Иоанна Богослова, Распятие, свою мать, и мне хочется плакать, просить прощения» (Ч.: С., 6, 144).

¹ Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Б.К. Зайцев. И.С. Шмелев. СПб. 2003. Редькин В.А. Духовный реализм как литературоведческая категория // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Второй Международ. науч. конф. Волгоград: ВолГУ. 2007.

² Грякалова Н.Ю. Указ. соч. С. 384.

³ Булгаков С.Н. Свет невечерний. М.: Республика, 1994. С. 67.

Ситуация повторяется и в рассказе «Исповедь» Никифорова-Волгина с Васей, стоящим перед Крестом и Евангелием: «В душу глядят строгие глаза батюшки в темных очках... И когда спросил он меня, «какие же у тебя грехи?», я после долгого молчания вдруг вспомнил тяжкий грех. При одной мысли о нем бросило меня в жар и холод... Я переминаюсь с ноги на ногу. У меня кривится рот, и хочется заплакать горькими покаянными слезами...» (Н., 186). У Шмелева подобное состояние испытывает Ваня, «забывший» свои грехи, с которыми шел: «...а у меня ноги не идут, и опять все грехи забыл... А я ничего не вижу, глаза застлало... Я плачу, не знаю, что говорить... Я едва вышептываю сквозь слезы...» (4, 265).

Таким образом, повествование достигает кульминации и получает затем разрешение в мотиве той необычайной радости, которая, словно в награду, снисходит на героя. Утешая и окрыляя его, она побуждает к дальнейшему самосовершенствованию. «Эта радость, – писал И.А. Ильин, – возникающая из очистительного страдания, и есть ключ к жизненной мудрости, к мудрости творящей и строящей, благодарной и побеждающей. Она открывается младенцам и людям с чистым сердцем; и путь к ней знала православная Русь»¹. Во всех рассмотренных примерах уместно вести речь об изображении особого религиозного переживания, называемого «духовным радованием» и свойственного православному мироощущению.

Все рассмотренные произведения написаны с одинаковой степенью «участия сердца» и «художественной верности предмету»². Эмоционально-психологическое и композиционное построение рассказов Чехова, Никифорова-Волгина и очерка Шмелева определило и художественный стиль произведений: «Вот признак истинного литературного мастерства, – стиль оказывается верным и властным дыханием акта, образа и предмета»³.

Итак, опыт сопоставления нескольких произведений русской литературы, объединенных взглядом различных авторов на проблему духовного взросления ребенка и формирования его ценностных ориентиров, выявляет не просто интерес писателей к некоей общей теме, но одну из важных сторон их мировоззрения и религиозного сознания, свидетельствующую о творческом поиске в русле общей, а именно православной, художественной традиции. Художественное созвучие рассмотренных текстов Чехова, Никифорова-Волгина и Шмелева позволяет отнести к ним слова Ивана Ильина о Шмелеве: «Это песнь о

¹ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. С. 396.

² Там же. С. 109, 106.

³ Там же. С. 343, 344.

том, как *русские дети к Богу ходили* и как *Господь их обласкал и утешил...*¹.

Голоса молодых исследователей

Т.О. Земледельцева

ОЧЕРКОВО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА И МЕМУАРЫ ФЕТА

В.А. Кошелев, публикуя очерки Фета «Заметки о вольнонаемном труде» и «Из деревни», пишет в предисловии, что «замысел собранных в этой книге воедино публицистических записок Фета 1860-х – 1870-х гг. уникален – это, в сущности, замысел мемуаров, созданных по горячим следам совершающихся событий»². Многие литературоведы подхватили эту идею и стали считать «Заметки о вольнонаемном труде» и очерки «Из деревни» ранними мемуарами Фета, ставя их, тем самым, в один ряд с мемуарными книгами Фета «Мои воспоминания» и «Ранние годы моей жизни». Этому немало способствовала и мемуарная установка, прямо выраженная Фетом на первой странице «Заметок о вольнонаемном труде»: «В заметках моих я выскажу не только факты, идущие, по-моему, к делу, но и те соображения и ощущения, которые вызвали меня на тот или другой шаг. Словом, я буду рассказывать, что я думал, что сделал и что из этого вышло. Хорошо так хорошо; худо так худо – лишь бы правда была» (59). Утверждение это довольно четко соотносится с позицией автора, высказанной в позднейших мемуарах Фета: «Сердечно радуюсь, что наконец удалось мне перечитать ранние страницы моей жизни, передать их содержание с полным, как мне кажется, беспристрастием. Я нигде не украшаю родной среды, но считаю низостью всякую на нее клевету в угоду кому бы то ни было»³. Но, несмотря на внешнее сходство авторских установок в приведенных выше цитатах, существует значительная разница между написанным по горячим следам о «вчерашнем дне», и воспоминаниями о прошлом, «давно минувшем». Очерк типологически близок к мемуарам из-за его жанровой отнесенности к автодокументальной литературе, отсюда и установка на достоверность описываемого, и саморефлексия автора-повествователя, давшие повод исследователям называть «Заметки о

¹ Там же. С. 393.

² Фет А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В.А. Кошелева и С.В. Смирнова. М., 2001. С. 8. Далее ссылки на данное издание даются в тексте с указанием страницы.

³ Фет А. Воспоминания. Репринт издания 1890 г. М., 1992. Т. 3. Ранние годы моей жизни. С. 2.